

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ГОУ ВО ЛНР
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДАЛЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Луганск 2021

УДК 80(06)
ББК 80
Ф545

Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
(Протокол № 5 от 29.01.2021)

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации ПИ 000093, выданное Министерством связи и массовых коммуникаций ЛНР 30.03.2017 г.

Сборник входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
(Лицензионный договор № 1432 – 11/2018К)

Ф-545

Филологические исследования Далевого университета. Язык и литература в контексте культуры и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 6/ М-во образования и науки ЛНР, ГОУ ВО ЛНР «Луганский гос. ун-т им. Владимира Даля»/ глав. ред. проф. А.С. Клименко. вып. 6. – Луганск.: Изд-во ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», 2021. – 71 с. – Библиограф. в конце ст.

ISSN 2523 – 4730

Главный редактор – доктор филологических наук, профессор

Клименко Александр Сергеевич

Ответственный редактор – кандидат педагогических наук, доцент

Чеботарева Елена Владимировна

Редакционная коллегия:

Иванов А.В. – доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация)

Калиущенко В.Д. – доктор филологических наук, профессор

Бессонова О.Л. – доктор филологических наук, профессор

Кремзикова С.Е. – доктор филологических наук, профессор

Поршиева О.Р. – доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация)

Синельникова Л.Н. – доктор филологических наук, профессор

Фесенко Ю.П. – доктор филологических наук, профессор

УДК 80(06)
ББК 80

© ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

**ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Клименко А.С., Трамбле К. 5-24

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА

**К ВОПРОСУ СТИЛИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
ЭПОХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

Вечёркин И.А. 25-52

ПРАВСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ В.ДАЛЯ

Даренская В.Н. 53-67

**ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ
КАТАСТРОФЫ У РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА**

Даренский В.Ю. 68-99

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

**ПОНЯТИЕ "СВОЙ - ЧУЖОЙ" В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Г.
ЛУГАНСКА**

Нередкова С.С. 100-108

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

**ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ СЕМАНТИКИ НАЦИОНАЛЬНО- СПЕЦИФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ МЕР И ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ НА ВЫБОР ИХ СООТВЕТСТВИЙ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ**

Усков Д.Ю. 109-118

Сведения об авторах

CONTENTS

LINGUOCULTUROLOGY

A. Klimenko, Ch. Tremblay. The French Model of Language Interaction in the Age of Globalization. Formation and Prospect

STUDY OF LITERATURE AND LINGUOPOETICS

I. Vechyorkin. On the Stylistics of the Belles Lettres Text of Socialist Realism Epoch

N. Darenskaya. The Moral Transformation of Personality in the Prose of V.I. Dahl

Yu. Darensky. The Representation of Collectivization as National Catastrophe by Russian Writers of the XXth Century

SOCIOLINGUISTICS

S. Neredkova. The Notion “Ours – Aliens” in the Communicative Space of Lugansk

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

D. Uskov. The Influence of Background Semantics of Nationally Specific Names of Measurement and Monetary Units upon the Choice of their Equivalents in Literary Translation

Our authors

писателя (идиостиля) в частности. На базе наиболее знаковых текстов эпохи социалистического реализма в литературе рассмотрена поэтика социалистического реализма как литературного направления, выделены новые и детализированы общеизвестные художественные особенности текста указанного периода. Также в данном исследовании был затронут вопрос сопоставимости категорий «литературный стиль» и «литературный метод».

Ключевые слова: литературный стиль, литературный метод, социалистический реализм в литературе.

I.A. Vechorkin On the Stylistics of the Belles Letters Text of the Socialist Realism Epoch

This article is devoted to the debatable issue of modern literary theory – the issue of literary style and individual style of the writer. On the basis of the most significant texts of the era of socialist realism in literature, the poetics of socialist realism as a literary school was considered, new and well-known artistic features of the text of this period were identified and detailed. Also in this study, the problem of comparability of the categories "literary style" and "literary method" was raised.

Key words: literary style, literary method, socialist realism in literature.

Рецензент – доктор филологических наук, профессор Клименко А.С.

УДК 101.1 : 130.2 (Даль)

Даренская В.Н.

Луганский государственный педагогический университет

ПРАВСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ В.ДАЛЯ

Darenskaya V. N.

THE MORAL TRANSFORMATION OF THE INDIVIDUAL IN V. DAHL'S PROSE

Принципы поэтики «натуральной школы» и, в частности, сам жанр «физиологических очерков», к которому обычно относят рассказы и повести В.И.Даля, отнюдь не исключают возможности изображения, осмысления и анализа глубоких духовных процессов и религиозных переживаний людей. Отличие прозы В.И.Даля от более поздних литературных стилей (в первую очередь, от «психологического романа» и символизма), в которых изображение внутреннего, субъективного мира людей доминирует над конкретикой объективного мира (и подчиняет себе последнюю) состоит в том, что в ней этот мир дается не через рефлексивное самописание, а через жизненные поступки и диалогические высказывания героев. В этом отношении она типологически близка прозе А.С. Пушкина. Есть все основания усомниться не только в «устарелости» и якобы примитивности нерефлексивной («натуральной») поэтики, но и в том, что она менее эффективна в художественном познании человеческого духа и души, чем вышеназванные стили. А в наиболее фундаментальном культурном контексте следует отметить, что большинство текстов Старого и Нового Завета по

своей «поэтике» также по многим признакам оказываются близки к прозаическим текстам «натуральной школы», но при этом несут в себе бездонный духовно-символический смысл.

В этом контексте, на наш взгляд, особый интерес представляет собой рассказ В.И.Даля «Хмель, сон и явь», в котором не только ярко представлена духовная проблематика греха и покаяния непосредственно на уровне фабулы и сюжета, но и дана художественная феноменология измененных состояний сознания человека, оказавшегося в критических обстоятельствах. Причем измененные состояния сознания связаны не с какими-то особыми духовными практиками, а с таким весьма «натуральным» фактором, как алкоголь. Это обстоятельство делает рассказ В.И.Даля, помимо его художественной ценности, еще и важным для понимания нравственной основы народной жизни, тесной связи быта с её глубинными душевными и духовными процессами, показывает неоднозначность винопития как фактора становления личности. *Целью* данной статьи является анализ специфики отражения нравственной проблематики в прозе В.И. Даля на примере данного рассказа, а также определение ее связи с особенностями поэтики «натуральной школы».

Рассказ начинается почти публицистическим зачином, призывающим читателя отказаться от надменного представления о крестьянской жизни как якобы примитивной по своему содержанию, в которой «нет потребностей, кроме сна и пищи», а также «есть добродетель, покуда нет искушения, а нет искушения – где нет кабака» [1, с. 205]. Поэтому задача автора также и назидательная – показать, сколь глубока и сильна нравственная основа личности, формируемой традиционной крестьянской цивилизацией, ее способность к победе над злом и к сознательному преодолению искушений.

Далее по ходу рассказа за внешне «натуралистическим» описанием таких обычных особенностей жизни крестьян «малоземельных губерний», как привычка уходить на заработки очень далеко и надолго, подспудно вырисовывается тема уже не только социологического, а духовно-экзистенциального характера. Действительно, отмечает В.И. Даль, немец и англичанин на таких же точно землях получают почти вдесятеро лучший урожай (следствие многовекового удобрения грунта), и поэтому обычно не имеют необходимости овладевать каким-то мастерством и кочевать на огромных пространствах в поисках заработка. Возникает мысль, которую автор не высказывает прямо, но явно подводит к ней читателя, что «малоземельность» – это не причина, а скорее следствие народного характера, любящего кочевье и мастеровые работы более, чем домашнее накопительство. Кроме того, отличаясь высоким мастерством, смекалкой и редкой выносливостью, такой народ обычно очень мало ценит свой труд. Даже представители самого тяжелого труда – бурлаки, которые «обходятся здесь судохозяевам в работе дешевле быков и лошадей... тот народ, который работает эту конскую работу в поте лица месяц сряду, с тем чтобы, отбив одну путину, пропить все в три дня» [1, с. 206]. И эта бесшабашность, свойственная артелям мастеровых из центральных великорусских губерний, это отсутствие расчетливости и жадности, эта щедро и почти задаром льющаяся через край народная сила вызывают явное восхищение и автора, и читателя. Отметим, что исторически именно эти исконные качества великорусского характера и могут объяснить, как из всеми разоряемой северной Руси в свое время выросло величайшее в мире государство – и величайшее не только размерами и военной силой, но своими нравственными основами.

В.И. Даль тонко подмечает тесную связь, которая существует между принципом нравственного долга, на котором построена вся крестьянская жизнь, и тем духом свободы, которым она насквозь пропитана (и которого, вследствие своих

предрассудков, часто не хотели замечать представители «образованного сословия»). «В этих малоземельных селениях, – пишет В.И. Даль, – заведено большею частью, что молодой парень должен заработать наперед известную сумму на отца и семейство свое, потом уже, уплатив года три-четыре подушное за отца или деда и за малых братьев, идет он работать год или два на себя и женится. Тут не найдете вы мужика-домоседа, мужика, который не видал бы свету... Может быть, это обстоятельство объясняет сильную склонность, всегдашнюю готовность крестьян наших к переселению; едва ли проходит два-три года сряду, чтобы какой-нибудь пустой, нелепый слух, бестолковая молва, бессмысленная сказка – прилепленная самым диким образом, ни к селу, ни к городу, к новому постановлению или узаконению, – чтобы... не подняла вдруг целые селения на ноги – Бог несть куда, в какой баснословный край» [1, с. 207]. Нетрудно почувствовать ценностную и эмоциональную двойственность позиции автора – он одновременно и удивляется (как европеец-рационалист по происхождению) такому способу жизни, но как человек с всеотзывчивой христианской душой, уже вполне русской по духу – и явно восхищается такой житейской легкостью, свежестью и отвагой. Ибо они свидетельствует об одухотворенности, большой внутренней силе и нравственном здоровье народа, не боящегося любой неизвестности, более того, именно в них и находящего сам вкус земного, брэнного своего бытия, не делающего фетиша из пошлого уюта, материального благополучия и безопасности, как это стало свойственно народам Запада, отступившим от исконной правды Христовой, от апостольского скитальчества.

Отметим, что такое понимание специфики народной жизни отнюдь не является чем-то исключительным в русской литературе. Можно вспомнить хотя бы такое эпическое размышление Л.Н. Толстого в «Войне и мире» по поводу жизни крестьян: «Как птицы летят куда-то за моря, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток, где никто из них не был. Они поднимались караванами, поодиночке, выкупались, бежали, и ехали, и шли... Многие были наказаны, сосланы в Сибирь, многие с холода и голода умерли по дороге... Но подводные струи не переставали течь в этом народе и собирались для какой-то новой силы» [2, с. 151]. Но уже несколькими страницами позже Л.Н. Толстой показывает, как те же самые крестьяне ни при каких условиях не соглашались эвакуироваться перед наступающими французами. Это делает очевидным, что русская привычка вольного освоения пространств отнюдь не является выражением «анархизма», не противоречит чувству долга перед Отечеством. Здесь имеет место та же тесная связь между нравственным долгом и вольностью души, о которой в своем рассказе пишет и В.И. Даль.

Мы отнюдь не случайно специально остановились на этой особенности великорусского менталитета, потому что именно она может объяснить и ту роль, которую способно играть измененное алкоголем состояние сознания в жизни людей, подобных главному герою рассказа В.И. Даля Степана Воропаева. В отличие от «европейских» представлений об алкоголе как средстве развлечения и греховного удовольствия, для исконного русского сознания алкоголь – это та же самая стихия, которая вырывает человека из рутины быта, размеренной жизни, что и странствия по необъятной русской равнине. В русском мироощущении алкоголь не привязывает человека к земному уюту и удовольствиям, как это имеет место у европейцев, но прямо наоборот – ставит душу на грань греховной гибели, создает парадоксальное и мучительное переживание, в котором переплетаются, с одной стороны, чувство эйфории, «окрыленности», внутренней свободы от житейской рутины, а с другой – резко усиливающееся чувство своей греховности. Как это ни парадоксально, но вполне можно сказать, что алкоголь здесь воспринимается как своего рода аскеза, ведь главной целью винопития является самое глубокое, безграничное общение душ, предельный

разлив и растрата жизненных сил, как душевных, так и физических. Алкогольное опьянение как измененное состояние сознания в данном случае по своему существу оказывается производным от внутреннего состояния странствующей души, стремящейся в неведомую, опасную и именно этим притягательную даль. С точки зрения традиционного разделения расширенных и суженных измененных состояний сознания (РСС и ССС) [3, с. 57] алкогольное опьянение имеет парадоксальный характер, т.к. несет в себе признаки обоих. С одной стороны, оно делает интенции сознания более узкими и сконцентрированными, но тем самым позволяет сильнее переживать их, извлекать из них больший смысл, а также делает сознание более подвижным и текучим, ускоряя переход от одной интенции к другой.

Такое понимание алкоголя как фактора сознания и судьбы, в отличие от вульгарно-житейского представления, делает винопитие ценным предметом художественного анализа, яркий и ценный пример которого находим в рассказе В.И. Даля. Главный его герой – талантливый плотник Степан Воропаев, двадцати четырех лет, вместе с отцом и братьями по обычаю отработывал оброки за своих сродников и за себя в дальних губерниях. По очередном возвращении отец его пожаловался деду, что Степан начал пить. Степан раскаивался в этом и «горько плакал», а дед пригрозил ему: «Гляди, Степан, коли ты у меня пить не бросишь с сегодняшнего дня, то Господь попутает тебя, покарает, и наживешь ты себе неизбывное горе» [1, с. 211]. Дед, очевидно, по своему опыту знал притягательность алкоголя и поэтому отнесся к этому очень жестко. Степан «зарекался искренне и не пил дома всю зиму», но по весне отправился на заработки сам, потому что «ему как-то боязно было идти в одно место с отцом и братьями», а это значит, что он бессознательно ощущал в себе тягу к вину и знал, что может не удержаться. Характерно, кто именно соблазнил его опять выпить. Им был человек по прозвищу Черноморец, который «был некогда господским, взял себе в голову, что не хочет служить у господина, хочет на волю, – а уж как русский человек как заберет себе в голову что-нибудь, то справиться с ним мудрено. Тут ни опасности, ни очевидная бессмыслица предприятия и здравые, благоразумные убеждения ваши не пойдут впрок» [там же], – по ходу дела замечает В.И. Даль. Личность этого Черноморца характерна и символична. С одной стороны, его «вольнолюбие» имеет героический оттенок, т.к. уже множество раз его возвращали назад «с бритой головой», но с другой стороны, оно оказывается и тесно связанным с преступными и греховными наклонностями его души. Он соблазнил Степана выпить с целью овладения его деньгами и, как выясняется, уже не в первый раз решался на убийство с грабежом. Но вышло иначе, и защищаясь, Степан сам убивает, а затем и грабит его. Убедившись, что это преступление останется в неизвестности, Степан «стал опять – с горя ли, с радости ль – погуливать».

Интересна духовно-психологическая сторона этой ситуации. У Черноморца, выпивающего со Степаном, возникает преступный замысел, поскольку он и с самого начала пользовался алкоголем не по существу, а прагматически – лишь как средством войти в доверие возможной жертвы. Наоборот, у Степана алкоголь вызывает обострение чувства совести и ему снится грозный дед – «Степан проснулся и перекрестился». Здесь измененное алкоголем совестливое состояние сознания Степана резко отличается в позитивную сторону от сознания Черноморца, сохраняющего «трезвость» преступного замысла. Лишь протрезвев, Степан сам вынужденно совершает преступление. Таким образом, здесь алкоголь явно выполняет функцию испытания истинной сущности человека – в состоянии опьянения человек более непосредственно проявляет её в форме конкретных действий.

Характерно, далее, что после совершения преступления Степан уже сам начинает пить, причем не знает, от радости это или от горя. Здесь проявляется

амбивалентность алкогольного состояния, которое, с одной стороны, имеет эйфорический характер, т.е. доводит до полноты естественную радость бытия в соответствии со словами Псалмопевца: «яко и вино веселит сердце человека» (Пс. 103. 15); а с другой стороны, используется как средство заглушить муки совести, т.е. как «транквилизатор». Здесь опять-таки, функция алкоголя – испытательная: в какую сторону качнется душа, какая сторона перевесит, так и решится судьба человека. Обычно сначала доминирует первый момент, потом он подавляется вторым, а затем – и здесь кульминация испытания – в какой-то момент совесть пробуждается сильнее обычного и это может привести к глубокому покаянию и нравственному возрождению человека; но может и не привести, ибо Бог сотворил человека свободным. Именно таков смысловой сюжет, стоящий за фабулой дальнейшего повествования о мытарствах Степана, к счастью, закончившихся благополучно.

Степан пропил все деньги, потерял работу и боялся в таком виде прийти домой, но встретился ему веселый пьяница мастеровой Гришка, ободрил и уговорил идти в Казань наниматься с другой артелью к новому хозяину. Маятник души качнулся в сторону эйфории: «Степан наш словно свет увидел; с радости позвал Гришку в питейный, чтоб почествовать его за доброе слово, да кстати уж и запить и радость и горе... Подгуляли товарищи вместе, да подгулявши, как водится, сперва обнимались, целовались, а после – неведомо как и с чего – поссорились, побранились да немного было и подрались... снова помирились, поцеловались и пошли вместе рука в руку в город» [1, с. 218-219]. В этих обстоятельствах ярко просматривается та же самая амбивалентность измененного алкоголем сознания, вследствие которой люди легко переходят из одной (позитивной) крайности в другую (негативную), от максимальной открытости, отзывчивости и доброты – к возбудимости и агрессивности. Это, в свою очередь, дает человеку яркое и наглядное представление о подлинных свойствах собственной души (как позитивных, так и негативных), что намного затруднительнее для обычного трезвенника, вследствие чего последний, как правило, склонен к самообольщениям. Известный православный мыслитель отец Александр Ельчанинов прямо проводит аналогию между опьянением и постом (естественно, что здесь это именно аналогия по функции, а отнюдь не уравнивание греховного действия с аскетическим), он пишет: «Как в наркозе, в опьянении, во сне, так и в посте человек проявляет себя – у одних проявляются высшие способности духа, другие делаются только раздражительны и злы, – пост открывает истинную сущность человека» [4, с. 91]. Вследствие этого в Степане (и вообще людях из народа, подобных ему) алкоголь делает более интенсивной и бескомпромиссной нравственную рефлексию. Случай, который показывает здесь В.И. Даль, очень ярко иллюстрирует эту закономерность.

По пути в Казань Степан проснулся на берегу Волги, рядом кровь на траве, а Гришки нет. И вдруг ему ясно привиделось, как он в драке убил Гришку и сбросил потом в Волгу. В полнейшем отчаянии о своей пропащей душе Степан пришел в ближайший земский суд, чтобы раскаяться в своем преступлении. «Суди Бог и Государь, а уж прощай, свет белый, родимая сторонущка, не видать меня тебе! – восклицает он в душе своей. – Вот отец сердечный прочил за меня Марью, Машку Сошникову, – вот тебе и жених! Девка она хоть куда, нечего сказать, да уж я ей не под стать. Ах, ты, головушка моя бедная, в омут какой усадила!» [1, с. 220]. Степана отправили в тюрьму, но из-за отсутствия реальных улик не знали, что с ним делать. Прокурор принципиально не хотел подписывать приговор исходя из презумпции невиновности, которая не позволяет судить только на основании самоговора без объективных улик. И вот неожиданно обнаружился Гришка живой и здоровый, задержанный как зачинщик кабацкой драки. Оказалось, что «Степан, поссорившись и подравшись хмельной и наяву, видел во сне, будто убил товарища, и видел так живо,

что греза показалась ему правдой. Может быть, тут подействовало и воспоминание о невольном убийстве Черноморца» [1, с. 225]. Таким образом, опьянение в данном случае стало толчком к такой силе самоосуждения и раскаяния за реальное убийство, что привело к сонному видению нового убийства, не существующего на самом деле. Степана тотчас отпустили, а когда он начал рассказывать о другом, уже как раз реальном (!) убийстве, его вообще не захотели слушать (!) и прогнали с глаз долой.

Последнее обстоятельство весьма важно. Оно соответствует народной поэтике «сказки со счастливым концом» и чудесным вмешательством высших сил, являя некую глубинную, парадоксальную правду жизни. В.И. Даль, очевидно, глубоко понимал и чувствовал, что этот элемент народного сознания не является произвольным, «сказочным» по своему существу, но наоборот, основан на огромном коллективном опыте понимания жизни. А именно, во-первых, этот опыт свидетельствовал, что в трудные и решающие минуты человеку действительно помогает Бог, ибо Он не хочет смерти грешника, – если человек сам не отвергает эту помощь. А во-вторых, являл скрытый закон бытия, по которому в основе человеческой жизни всегда лежит прощение, без которого она в конце концов закончилась бы взаимоистреблением.

В рассказе В.И. Даля, намеренно или ненамеренно, не показаны какие-либо особые религиозные переживания Степана: молитвы, обращения к священникам и т. д. Но именно это обстоятельство, как это ни странно на первый взгляд, делает рассказ ценным свидетельством подлинной церковности человека из народа, который, даже в своем немолитвенном состоянии, тем не менее, проходит все те же стадии борьбы со грехом, как и все подвижники. Действительно, первая стадия, с которой начинается эта борьба у Степана – это подлинное смирение, самоосуждение и сокрушение духа. Как пишет святитель Николай Сербский, «познать себя – значит суметь увидеть свою немощность и свое ничтожество, достичь сокрушенности сердца и, наконец, возопить к Господу о милости и моля о помощи. Сокрушение, или смирение, которые проистекают из правильного понимания своей немощности, есть основа всех добродетелей, основа духовной жизни каждого христианина, это основа райской пирамиды. Смирение есть врата к Богу... Когда человек избавляется от злого ветра высокомерия, тогда в душе его наступает тишина и в душу его вступает Дух Святой» [5, с. 215-217]. Один из древних св. отцов говорил: «Человеку лучше увидеть свои грехи, нежели увидеть сонмы Ангелов» [6, с. 237]. Реально пережить, что не просто «я грешен», но что из всех грешников «от них же первый есмь аз» – это особое переживание того, как в своей одной душе незримо и неразрывно сошлись и соединились грехи всего человечества, начиная от греха первородного, в котором изначально пребывает душа. И такое переживание не может быть чем-то естественным (невозможно просто внушить себе, что «я хуже всех» – это ложный путь), но всегда является особым даром благодати, дающимся тогда, когда человек к нему подготовлен самой жизнью.

Как пишет св. Василий Великий: «Не тот исповедует грех свой, кто сказал: согрешил я, и потом остается в грехе; но тот, кто, по слову псалма, обрел грех свой, обрел и возненавидел (Пс. 35)» [7, с. 103]. Степан Воропаев действительно «обрел грех свой» в жизненных мытарствах – обрел не просто как внешнюю силу, которая его подчиняет своей воле, но обрел в смысле осознал и пережил до такой степени, что стал сильнее греха и смог его победить. Именно для этого Господь и попустил ему грешить, испытывая простого парня в подражание Иову, чтобы сделать его зрелым и умудренным. Как пишет св. Макарий Великий, в таких испытаниях «открывается какая-то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая в сердце. И Господь бывает близ души и тела твоего, и смотря на борьбу твою, влагает в тебя сокровенные, небесные помыслы и втайне начинает упокоевать тебя. Но пока оставляет еще тебя под

обучением, и в самых скорбях промышляет о тебе благодать» [8, с. 105-106]. Зачем же было нужно это испытание? Есть тип людей, которые не могут обрести смирение и благочестие прямым путем «тихого и безмолвного жития», но им нужно лично пережить последствия греха и прийти к покаянию через боль и гибель. Но пройдя, они становятся способными в дальнейшем избегать этого. Как пишет румынский старец иеромонах Рафаил (Нойка), «падением мы обрели и большой опыт, и те, которые оступились, знают, что это значит. А неоступившиеся, поверьте тем, которые оступились» [9, с. 79]. Этот аспект православного менталитета нужно учитывать при чтении рассказа.

Важно отметить и духовную проницательность В.И. Даля, сделавшего фактически центральным смысловым узлом всего рассказа сонное видение Степаном еще одного убийства, которого на самом деле он не совершал. В этом видении как раз и выразилась в виде естественного психического явления – сна, – уже отнюдь не «естественная», а духовная сущность происходившего в нем поворота к подлинному покаянию. В этом видении, как в символе, отразилось подлинное переживание Степаном глубочайшей греховности всей своей души, всего своего естества. Такое переживание, как уже сказано, есть дар благодати, – той благодати, которую промышляет о человеке Господь, ведя его через испытания в попущении греха. (А вместе с тем и подтвердилось наставление свв. Отцов: «снам верить нельзя!»). В истории Степана Воропаева явлена, как в некоем эксперименте, поставленным жизнью над простым человеком, даже не особенно религиозным, неизменная метафизика победы над грехом: грех побеждается только таким покаянием, в котором человек через отдельный свой грех прозревает глубочайшую греховность самой своей природы, и только после этого обретает помощь Божию, успокоение души и дары благодати. В результате всего пережитого Степан «обрел и возненавидел» грех свой: «зелено вино, это продажное горе, опротивело ему до того, что он в жизнь свою не мог вынести и духу его. Перестав пить, Степан Воропаев вышел человеком и не только зарабатывал что следовало на себя и на своих, но лет через восемь завел свою артель... и Машка Сошникова, ныне Воропаева, готовила ему, между тем как он был на работе, щи да кашу, а в пост калиники...» [1, с. 225].

Такое благообразное окончание всей истории четко указывает и на специфику понимания автором и народным сознанием в целом всего того, что произошло со Степаном. Рассказанная история в целом понимается как испытание, а само алкогольное состояние – как символ внутренней хрупкости и непредсказуемости земной человеческой жизни и вместе с тем как событие перехода ко взрослому состоянию человека. Характерно также, что Степан вообще не может потом выносить вино даже на запах – это обстоятельство еще более акцентирует понимание его как соблазна и испытания, а не как удовольствия. Последнее, как уже было замечено, более свойственно европейскому менталитету, для которого обычно нормально почти ежедневное сибаритское употребление тонких на вкус вина и пива, не приводящее к сильному опьянению (характерно, что еще в начале XX века потребление алкоголя на душу населения в России было в 4-5 раз меньшим, чем в странах Европы – ибо там он был элементом нормального быта, а не экстремальных состояний, как у нас). В русском православном бытии и сознании алкоголь – это феномен, относящийся к тому типу состояний, которые в современной культурологии называются пороговыми или лиминальными (от лат. *límen* – «порог», «граница») состояниями человеческого сознания и бытия, поскольку в них до предела заостряются все их внутренние противоречия и приходится делать решающий для судьбы выбор. В лиминальных состояниях человек выпадает из привычных жизненных порядков и структур, оказывается в состоянии «коммунитас» – неформального глубинного общения, в

котором происходит нравственное самоопределение человека [См.: 10, с. 39-45]. Зато раз и навсегда проходя такое состояние в позитивном направлении, человек становится намного более зрелым и стойким перед любыми соблазнами, чем без такого испытания (в архаических культурах лиминальные состояния, как известно, специально моделировались в обрядах «инициации», отказ от которых в более поздних культурах с неизбежностью приводит к инфантилизации личности).

В древнерусской литературе, как известно, была «Повесть о бражнике, который попал в рай». Толкуя эту «Повесть», известные критики-славянофилы брата Аксаковы по сути дела склоняются к европейскому пониманию винопития, отличая бражничество как невинное пирование от пьянства как сознательного самоодурманивания, приводящего и к иным грехам. «В повести этой высказан взгляд антиаскетический, – пишут они – Да не подумают, чтоб эта повесть заключала в себе учение бражничества, советовала бражничать. Нет, эта повесть лишь оправдывает бражничество как бражничество, без всякой примеси грешной. В этой повести признается законным... веселье жизни, которое, на нравственной высоте, становится хвалебной песнью Богу... Отречение от плода земного, «веселящего сердце человека», есть в то же время отречение от дара Божия, от веселья в жизни» – добавляют они, упоминая об одной из причин отказа св.Владимира Крестителя от принятия ислама, которой был запрет на употребление алкоголя у мусульман [11, с. 247]. Подобно герою этой повести, который «с каждой чашей Бога прославлял», Степан и Гришка также отнюдь не атеисты, но здесь проблема уже совсем другая. В.И.Даль фактически впервые в русской литературе показывает винопитие не как невинную радость жизни, а как серьезный фактор душевной и духовной жизни человека, способный приводить не только к большим грехам, но и, наоборот, к покаянию и нравственному взрослению. Впоследствии такой подход, по-видимому, намечался и у Ф.М.Достоевского в первом варианте романа «Преступление и наказание», который назывался «Пьяненькие».

Таким образом, в прозе В.И.Даля (очень показателен также в этом отношении также рассказ «Грех», который мог бы стать предметом отдельного анализа) происходит поворот к той фундаментальной нравственно-религиозной проблематике, которая позднее стала главной мировой ценностью русской литературы. Но особая ценность и специфика его прозы в том, что в ней эта проблематика еще органически вырастает из «физиологических», конкретно-бытовых особенностей русского народа. А эти последние оказываются уже очень глубоко несущими в себе многовековой опыт христианской жизни.

Литература

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: «Современник», 1982. – 384 с.
2. Даль В.Н. Избранные произведения. – М.: «Правда», 1983. – 448 с.
3. Ельчанинов А.В. Записи. – М.: «Сов. Россия», 1992. – 208 с.
4. Иеромонах Рафаил (Нойка). Культура духа. – М.: «Святая гора», 2006. – 184 с.
5. Кардаш С. Измененные состояния сознания. – Донецк: «Сталкер», 1998. – 448 с.
6. Святитель Николай Сербский. Вера святых. Катехизис Восточной Православной Церкви. – М.: «Покров», 2004. – 288 с.
7. Святой Василий Великий. Духовные наставления. – М.: «Ковчег», 1998. – 464 с.
8. Святой Макарий Великий. Наставления о христианской жизни. – М.: «Ковчег», 1998. – 224 с.
9. Тернер Дж. Символ и ритуал. – М.: «Прогресс», 1983. – 324 с.
10. Толстой Л.Н. Война и мир: Том третий // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12-ти томах. – Т. V. – М.: «Правда», 1984. – 432 с.

11. *Фудель С.* Путь отцов. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. – 432 с.

References

1. *Aksakov K.S., Aksakov I.S.* Literaturnaja kritika. – М.: «Sovremennik», 1982. – 384 s.
2. *Dal' V.N.* Izbrannye proizvedenija. – М.: «Pravda», 1983. – 448 s.
3. *El'chaninov A.V.* Zapisi. – М.: «Sov. Rossija», 1992. – 208 s.
4. *Ieromonah Rafail (Nojka).* Kul'tura duha. – М.: «Svjataja gora», 2006. – 184 s.
5. *Kardash S.* Izmenennye sostojanija soznanija. – Doneck: «Stalker», 1998. – 448 s.
6. *Svjatitel' Nikolaj Serbskij.* Vera svjatyh. Katehizis Vostochnoj Pravoslavnoj Cerkvi. – М.: «Pokrov», 2004. – 288 s.
7. *Svjatoj Makarij Velikij.* Nastavlenija o hristianskoj zhizni. – М.: «Kovcheg», 1998. – 224 s.
8. *Svjatoj Vasilij Velikij.* Duhovnye nastavlenija. – М.: «Kovcheg», 1998. – 464 s.
9. *Terner Dzh.* Simvol i ritual. – М.: «Progress», 1983. – 324 s.
10. *Tolstoj L.N.* Vojna i mir: Tom tretij // Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 12-ti tomah. – Т.V. – М.: «Pravda», 1984. – 432 s.
11. *Fudel' S.* Put' otcov. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. – 432 с.

Даренская В.Н. Нравственное преображение личности в прозе В.И. Даля

В статье исследуется глубинная проблематика рассказа В.И. Даля «Хмель, сон и явь» в контексте специфики нравственно-религиозных императивов русской крестьянской культуры. Показано, что для человека этой культуре были четко определены императивы православного этоса: 1) нестяжательство; 2) совесть перед людьми и природой; 3) понимание жизненных испытаний и их преодоления как разновидности аскетического подвига. Высшим принципом этой культуры, глубоко показанным в рассказе В.И. Даля, был принцип духовного преображения человека.

Ключевые слова: преображение, человек, подвиг, этос, русская культура.

V.N. Darenskaya The Moral Transformation of Personality in the Prose of V. I. Dahl

The author considers the problems of V.I. Dal's short story "Drunkeness, Sleep and Reality" in the context of Russian traditional folk culture ethos formed in Orthodox peasantry tradition. The fundamental imperatives of this ethos are: 1) absence of money grubbing; 2) conscientiousness before people and nature; 3) comprehension of life trials and their overcoming of a kind of ascetic exploit. The fundamental principle of this culture, profoundly demonstrated in V. Dal's short story, was spiritual transformation of person.

Key words: spiritual transformation, person, exploit, ethos, Russian folk's culture.

Рецензент – доктор филологических наук, профессор Синельникова Л.Н.

УДК 821.161.1 : 94(470)

Даренский В.Ю.

Луганский государственный педагогический университет

**ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ
КАТАСТРОФЫ У РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА**